

К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского

11 ноября 2021 года исполняется 200 лет со дня рождения писателя, публициста, мыслителя, одного из самых известных русских классиков Фёдора Михайловича Достоевского. Это событие имеет большое значение не только для любителей творчества Достоевского, но и для всей страны, ибо сложно переоценить тот вклад, который внёс писатель, как в отечественную, так и в мировую культуру.

По данным ЮНЕСКО, Достоевский сегодня – один из самых цитируемых и переводимых русских авторов в мире. Его художественное наследие анализируется литературоведами, изучается современными школьниками и студентами, по произведениям писателя ставят спектакли, снимают кинофильмы. В то же время, ни об одном из классиков литературы не высказано столько противоречивых суждений.

Отец его служил врачом в больнице для бедняков и бездомных на улице Божедомка, ныне – Достоевского. В больнице же и располагалась квартира, где Федор Михайлович появился на свет и прожил с родителями до отроческого возраста, когда семья переехала в Петербург. То есть формирование как личности будущего писателя произошло именно в Москве, где перед глазами мальчика проходила череда трудных судеб, трагедий и отчаяния.

В Петербурге уже молодой литератор оказался в среде вольнодумцев-петрашевцев, которых современники называли "коммунистами". Собирались тайно. Кто-то исповедовал и революционные взгляды. Для императора Николая Первого, взошедшего на престол с "родовой травмой" восстания декабристов, сама мысль о бунте была ненавистна.

Достоевского вместе с другими "бунтовщиками" приговорили ни много ни мало к расстрелу. Когда до роковой пули, согласно церемонии, оставалось каких-то 6 минут, пришло известие о помиловании. Смертный приговор царь заменил на 4 года каторги в Сибири.

Каторга в Омском остроге стала большой человеческой школой. Именно там Достоевский поверил в Бога, а от социалистических мечтаний о справедливом переустройстве мира не осталось и следа. Главное зло по Достоевскому – внутри человека.

И если для другого нашего гения – Тургенева – человек хорош, обстоятельства плохи (отсюда и базаровский нигилизм, а там и революционный терроризм), то Достоевский убеждается, что любой общественный уклад не спасает от пороков в человеческой природе. Следовательно, и мир спасет красота – внутренняя красота идеалов. А бездны зла в людских душах Достоевский исследовал с великим бесстрашием и даже жертвенной отвагой.

Из "Дневника писателя": "Зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, ни в каком устройстве общества не

избегают зла, душа человеческая останется та же, ненормальность и грех исходят из нее самой".

Отсюда и высший смысл и высший идеал по Достоевскому. В своих пометках (только для себя одного) он пишет, что даже если бы Христос был вне истины, он остался бы с Христом, а не с истиной.

Что же до зла, то задолго до Ницше Достоевский выводит тип особого "сверхчеловека" – в "Преступлении и наказании". Раскольников там убивает не из-за того, чтобы вытащить из нищеты мать и сестру, а чтобы самому себе доказать, что он "не тварь дрожащая, а право имеет". Герой сам так Соне и говорит: "Не для того, чтобы матери помочь, я убил. Вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного. Мне надо было узнать тогда, и скорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я преступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею?"

"Сверхчеловека" Достоевский в романе разрушает. Изнутри. Нежизнеспособен этот тип. По всему нежизнеспособен. И по внутреннему складу, и по высшей воле. Нет в "сверхчеловеке" той самой спасительной красоты.

Понятно, почему Достоевского фактически запрещали в СССР. Серый десяти томник был издан лишь в 1957 году как предвестник хрущевской оттепели. Ведь идея советского социального эксперимента состояла в том, чтобы изменить условия жизни на справедливые, а человек изначально хорош, тем более пролетарий. И, как это у Горького, "человек создан для счастья, как птица для полета".

Понятно, почему Горький считал Достоевского "социально вредным", ибо тот "создает человека по образу и подобию дикого и злого животного". Пролетарскому писателю уж, конечно, не мог быть близок самый ненавистный революционерам роман Достоевского "Бесы", где представлена фактически секта заговорщиков в конечном счете убивающая своего товарища.

Внутреннее зло переустройщиков мира писатель показывает бездонным. Здесь и садизм, и растление малолетних, и политический авантюризм, и претензия на особость с правом на убийство. Все та же тема особого сверхчеловека – "особняка". Без Бога.

"Если Бога нет, все позволено", – утверждает еще один "особняк" Достоевского – Иван в "Братьях Карамазовых". Но поскольку опять убийство (на сей раз – отца) и жизненный крах, то выясняется, что позволено-то не все. Если так, то по Достоевскому и божественное высшее мерило существует.

В СССР Бога отменили, а с человеком, как он есть, что называется, в собственном соку, коммунистическая конструкция все никак не срасталась. Тогда-то и поставили цель воспитать нового человека. Сталинский "отсев" не сработал. Хрущев решил человеческую суть изменить. Фактически это

признание правоты Достоевского. Зло – внутри. А значит главный закон – внутренний, устроенный по высшему мерилу.

Достоевский гениально предостерегал от того, на что в итоге натолкнулось человечество. Гуманистический идеал Возрождения, где человек – центр всего, может опасно трансформироваться. Случившееся на этом пути концу XX века уже Александр Исаевич Солженицын называет катастрофой.

В Гарвардской речи Александр Исаевич совершенно в духе Достоевского – о современном западном обществе: "Мерю всех вещей на Земле оно поставило человека – несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы потеряли то целое, высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям, а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть, – нашу внутреннюю жизнь".

Достоевский – продукт нашей культуры и ее творец, оказавший огромное воздействие на современный образ мыслей, наши оценки и смыслы. Для Запада он понятен, популярен и в то же время загадочен, как и сама Россия, которая до нашего времени для Европы остается пугающей. Быть может, просто из-за лени потрудиться понять и принять. Все, как и во времена Достоевского: "Даже Луна теперь исследована гораздо подробнее, чем Россия. По крайней мере, положительно известно, что там никто не живет, а про Россию знают, что в ней живут люди, даже русские люди, но какие люди? Это до сих пор загадка, хотя, впрочем, европейцы и уверены, что они нас давно постигли. Знают, например, что Россия лежит под такими-то градусами, изобилует тем-то и тем-то и что в ней есть такие места, где ездят на собаках. Знают, что кроме собак в России есть люди, очень странные, на всех похожие и в то же время как будто ни на кого не похожие; как будто европейцы, а между тем как будто варвары".

Русские в этих условиях более великодушны. Русскость по Достоевскому – это не столько кровь, сколько способность чувствовать и принимать культуру других народов. В речи по случаю открытия памятника Пушкину в Москве Достоевскому предстояло доказать, что эфиопские корни Пушкина совсем не противоречат его русскости: "Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите". Это уже зрелый Достоевский, за год до смерти.

Достоевского хоронили в Петербурге при огромном стечении народа. Толпа была никак не менее десяти тысяч. И только певчих собрано 15 хоров из разных храмов. Вот как тот день вспоминала дочь Достоевского Любовь Федоровна, потерявшая отца в 12 лет: "Уже рано утром такое огромное количество людей заполнило Александро-Невскую лавру, что постоянно прибывающий поток пришлось контролировать полиции. Нас вместе с

матерью не хотели пропускать за главные ворота – полицейский преградил путь. "Больше не пропускают", – заявил он строго. "Как это не пропускают? – спросила удивленно моя мать. Я вдова Достоевского и меня ждут в церкви, чтобы начать отпевание. "Вы – шестая вдова Достоевского, требующая, чтобы ее пропустили. Довольно лжи! Я никого больше не пропущу!" – ответил в ярости полицейский"